

ГОДЪ

XXXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 41.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1898 года, октября 11-го.

Содержаніе: Почему въ настоящее время русскому пастырю необходимо знакомиться съ ученіемъ католиковъ и протестантовъ? — Святой Косма святоградаецъ, епископъ Маіумскій и творецъ канонѡвъ.— Краткій очеркъ исторіи благотворительности и благотворительныхъ учрежденій въ Россіи (окончаніе).

Почему въ настоящее время русскому пастырю необходимо знакомиться съ ученіемъ католиковъ и протестантовъ?

Наше время, можно сказать, съ одной стороны, время особенно благопріятное и, быть можетъ, въ нѣкоторомъ отношеніи небывалое въ исторіи христіанской Церкви. Со сколькихъ каедръ раздается евангельское ученіе во всей неповрежденности, ясности и чистотѣ! Нѣтъ страны, нѣтъ народа, гдѣ-бы вѣстники мира не проповѣдывали Христа, Спасителя грѣшниковъ. И чего не дѣлается въ христіанствѣ для утвержденія вѣры въ Того, Кто пришелъ взискать и спасти погибшаго и для утвержденія и раскрытія истиннаго Его ученія! Но правы и тѣ, которые наше время называютъ

злымъ временемъ. Въ этомъ нѣтъ никакого противорѣчія. Гдѣ много свѣта, тамъ много и тѣни; и чѣмъ ярче свѣтъ, тѣмъ темнѣе и чернѣе тѣнь. Когда Христосъ во время Своей земной жизни проявлялъ Божественное величіе, — и могущество сатаны проявилось болѣе, чѣмъ когда — нибудь. Это мы видимъ по тому множеству одержимыхъ бѣсами, какого въ другія времена никогда не бывало. И потому, если въ наше время евангельское ученіе распространяется съ такою силою и быстротою, то сила и могущество князя тьмы должны также особенно проявиться. И, дѣйствительно, это — на лицо... Посмотримъ на наше отечество, — увидимъ и убѣдимся, что оно отъ самаго сердца — Москвы — и до самыхъ крайнихъ своихъ предѣловъ борется съ различными ложными ученіями. Здѣсь — и расколъ съ подраздѣленіемъ на множество всевозможныхъ толковъ, и сектантство съ различнымъ направле-ніемъ, и рагнія превратныя ученія съ самыми крайними выводами — и все это живетъ у насъ рядомъ съ православіемъ и, къ прискорбію, нерѣдко выхватываетъ даже изъ лоно Православной Церкви неокрѣпшихъ ея членовъ. И во всемъ этомъ, конечно, ясно сказывается власть князя тьмы.

Трудно, конечно, жить христіанамъ въ такое время, но еще болѣе трудно и тяжело въ такое время пастырямъ Церкви. Характеръ нашего времени безусловно обязываетъ всякаго пастыря, рассчитывающаго на успѣхъ своей дѣятельности, явиться, такъ сказать, во всеоружіи своего званія. Самымъ принятіемъ пастырскаго званія въ такое время каждый пастырь налагаетъ на себя трудную, но въ то же время священную обязанность не только учить своихъ пасомыхъ и утверждать ихъ въ истинахъ православной вѣры, но въ то же время и главнымъ образомъ отражать всякія нападенія неправовѣрующихъ, возвращать въ лоно Церкви заблудшихъ и излѣчивать ихъ духовныя язвы. Но какъ врачъ, позванный къ тяжело больному, прилагаетъ всѣ старанія, чтобы сдѣлать вѣрное и точное опредѣленіе болѣзни и уже послѣ этого, имѣя въ своемъ распоряженіи нѣсколько цѣлитель-

ныхъ и животворныхъ средствъ, пользуется самымъ вѣрнымъ изъ нихъ и ручается тогда за благополучный исходъ болѣзни; такъ и пастырь Церкви, какъ врачъ духовный, приступая къ излѣченію болѣзни нашего времени, къ врачеванію духовныхъ язвъ своихъ пасомыхъ, долженъ сдѣлать точное разсмотрѣніе этой болѣзни, найти ея корень и тогда уже приниматься за излѣченіе ея и ожидать полного успѣха. А наши секты, нашъ расколъ воистину есть тяжкая и сложная болѣзнь народнаго духа и здѣсь прежде всего нужно вѣрное и точное разсмотрѣніе.

Но гдѣ-же начало, гдѣ корень этой сложной и тяжелой болѣзни? Основаніе, начало этой болѣзни, основаніе нашихъ сектъ въ протестантствѣ, но корень ея идетъ, какъ мы увидимъ, еще глубже—корень болѣзни въ католичествѣ.

Характерную черту *протестантства* ¹⁾ составляетъ рационализмъ. Протестантство забыло о томъ, что истинная сущность Церкви связана съ ея вселенскимъ или католическимъ характеромъ и, отвергну всякій авторитетъ въ дѣлѣ вѣры—авторитетъ преданія, учителей Церкви, соборовъ—провозгласило господство разума, господство свободнаго изслѣдованія, оторваннаго отъ живаго преданія о единствѣ, основанномъ на взаимной любви. Но разумъ человѣческій безъ помощи Божіей зашелъ слишкомъ далеко и въ итогѣ далъ одни только крайности. Съ такимъ руководителемъ, какъ разумъ, каждый протестантъ принималъ и отрицалъ, что хотѣлъ, сообразно съ развитіемъ, настроеніемъ и характеромъ. „Протестантство, — говоритъ нашъ отечественный богословъ Хомяковъ, — есть міръ, отрицающій другой міръ. Отнимите у него этотъ другой и отрицаемый имъ міръ, и протестантство умретъ: ибо вся жизнь его въ отрицаніи“. И вотъ, въ итогѣ явилось

¹⁾ Въ оцѣнкѣ протестантства и католичества мы придерживались главнымъ образомъ воззрѣній на этотъ предметъ нашего отечественнаго богослова Хомякова. См. сочиненіе его въ 2-хъ томахъ.

у протестантовъ отрицаніе и іерархіи, и обрядовой внѣшности, и почитанія мощей и иконъ, и остался протестантъ съ разумомъ въ головѣ и съ евангеліемъ въ рукахъ. Но все это было естественнымъ и послѣдовательнымъ выводомъ изъ того начала, которое лежало въ основаніи протестантства. Итакъ, у протестантовъ на мѣсто Божьяго и всемірнаго явилось свое, личное, отдѣльное, человѣческій разумъ.

Перейдемъ теперь къ нашимъ *сектантамъ* и здѣсь увидимъ тоже самое: всѣ они, и мистики и раціоналисты, стоятъ и дѣйствуютъ въ силу человѣческой свободы — свободы личного вдохновенія и личной совѣсти. И тѣ и другіе — и мистики и раціоналисты, — рѣшительно отвергая вселенское преданіе и всякую сверхсознательную, существенную связь въ христіанскомъ человѣчествѣ, образующую его въ нѣчто цѣлое, — видятъ и знаютъ только текущую религіозную дѣйствительность, только настоящую минуту религіознаго сознанія, какъ она выражается въ душевныхъ состояніяхъ и нравственныхъ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ лицъ. Здѣсь, такимъ образомъ, тотъ же раціонализмъ и тоже отрицаніе въ силу этого начала и іерархіи, и внѣшней обрядности, и почитанія мощей и иконъ. Словомъ, наши секты непосредственно примыкаютъ къ протестантству, — это, такъ сказать, само протестантство, перенесенное на русскую почву. Въ этомъ легче всего убѣдиться чрезъ сопоставленіе какого-нибудь отдѣла протестантскаго ученія съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ ученія нашихъ сектантовъ. Возьмемъ, на примѣръ, ученіе протестантовъ объ оправданіи человѣка и сравнимъ его съ ученіемъ о томъ же предметѣ нашихъ сектантовъ — пашковцевъ. „Какъ только человѣкъ-грѣшникъ, пришедши въ сознаніе своей грѣховности и совершеннаго безсилія исполнить евангельскій законъ, увѣруеть твердо, что онъ примирень съ Богомъ чрезъ Иисуса Христа, — *тогдашъ по вѣрѣ его*, которая *одна оправдываетъ*, вмѣняются ему заслуги Христовы, онъ объявляется праведнымъ и святымъ и *Самъ Богъ*, съ того времени, *совершаетъ* въ немъ *всѣ добрыя дѣла*, во свидѣ-

тельство *его вѣры*“. Такъ учать объ этомъ предметѣ протестанты. Тоже самое, чуть-ли даже не въ тѣхъ же выраженіяхъ, говорятъ и наши пашковцы. „Каждый, увѣровавшій во Христа, *тотчасъ же получаетъ отпущеніе грѣховъ* и избавляется отъ вѣчнаго наказанія. Каждый, *принявшій въ себя Христа, непременно творитъ добрыя дѣла*, которыя не спасаютъ человѣка, *а суть плоды вѣры*; изъ нея они вытекаютъ сами собою“ ¹⁾. Это-то положеніе и есть самая суть протестантства. И подобное сходство можно найти во многихъ отдѣлахъ ученія нашихъ сектантовъ. Итакъ, имѣя въ своей основѣ тотъ же раціонализмъ, что и въ протестантствѣ, наши секты примыкаютъ къ нему самымъ тѣснымъ образомъ; онѣ, можно сказать, являются отображеніемъ протестантства во всѣхъ его частностяхъ.

Раціонализмъ, лежащій въ основѣ протестантства, а отсюда — и въ основѣ нашихъ сектъ, значительно сказался даже и въ нашемъ *расколѣ*, извѣстномъ подъ именемъ старообрядчества ²⁾. И хотя это на первый взглядъ покажется страннымъ и непонятнымъ, но это такъ на самомъ дѣлѣ. Нашъ народный расколъ, хотя вначалѣ выступаетъ въ защиту Церкви противъ всякихъ человѣческихъ нововведеній, но подмѣнивая истинный признакъ божественности — каѳоличность — другимъ внѣшнимъ, условнымъ и неопредѣленнымъ признакомъ старины или отеческаго преданія, расколъ постепенно удаляется отъ божественнаго содержанія Церкви, растворяя широкія врата всякому человѣческому произволу и личному мудрованію. Когда раскольники возстали за свои отеческія преданія, то важно было не то, насколько горячо

¹⁾ См. сочиненіе еп. тамбовскаго Теофана „Письма къ одному лицу“....

²⁾ Въ оцѣнкѣ раскола-старообрядчества мы придерживались оригинальнаго воззрѣнія извѣстнаго расколовѣда профес. Каптерева, подробно развившаго свой взглядъ на этотъ предметъ въ нѣсколькихъ статьяхъ, помѣщавшихся въ нынѣ прекратившемся изданіи-журналѣ „Православное Обзорніе“.

за нихъ стояли, а также не то, что эти отеческія преданія сводились у нихъ къ старымъ печаткамъ въ русскихъ служебникахъ, а важно и значительно было то, что отеческія преданія, то есть, мѣстные русскіе обычаи, сложившіеся въ 16-мъ вѣкѣ (время Стоглава), выступили на первый планъ въ области вѣры и благочестія; важно то, что вселенская истина исчезла здѣсь передъ народнымъ обычаемъ, который выдавался за вселенскую истину; важно то, что на мѣсто Божьяго и всемірнаго вдругъ явилось свое, отдѣльное. Но нераздѣльно съ мѣстною ограниченностію, какъ исключительно русской вѣры, является его ограниченность относительно времени, какъ исключительно старой вѣры. Здѣсь вся церковь отождествляется съ ея явленіемъ въ прошедшемъ, и божественное полагается только въ старинѣ. Въ настоящемъ ничего божественнаго не происходитъ, все божественное уже произошло. Но кто-же носитель этого прошедшаго, кто хранитель этого преданія? Церковь въ своей іерархической организаціи. Но вотъ, по мнѣнію старовѣровъ, вся церковная іерархія, и архіереи и попы, а за ними и большинство мірянъ отступили отъ прошедшаго, замѣнили отеческія преданія новизнами. И такъ, кто-же остается хранителемъ преданія? Никто, какъ отдѣльная личность, личная вѣра и совѣсть. И вотъ, какъ бы снаружи ни отличалось наше старовѣріе отъ западнаго протестантства, оказывается, что основное начало того и другаго одно: личное мнѣніе противъ вселенскаго опредѣленія Церкви, частное противъ цѣлаго. Слѣдовательно, тѣсное внутреннее соотношеніе нашего раскола и нашихъ связей между собою, съ одной стороны, и съ западнымъ протестантствомъ, съ другой стороны, состоитъ въ томъ, что во всѣхъ ихъ на мѣсто Божьяго и всемірнаго является свое, отдѣльное, — въ основѣ всѣхъ ихъ лежитъ произволь личнаго разума.

Далѣе. Если не уразумѣть, не уяснить себѣ сущности *католичества*, то трудно понять надлежащимъ образомъ и протестантство, а слѣдовательно и наше сектантство по тѣ-

снoй связи ихъ между собою. Католичество и протестантство находятся между собою въ самой близкой и тѣсной связи, такъ какъ протестантство есть родное, хотя и непокорное, дѣтище католичества и явилось, какъ противодѣйствіе его злоупотребленіямъ. Когда, напримѣръ, католики—въ ученіи о спасеніи—говорили, что человѣкъ спасается главнымъ образомъ дѣлами и, надѣленный богатію, можетъ натворить угодныхъ Богу дѣлъ даже болѣе, чѣмъ требуется и, наконецъ, дошли въ этомъ ученіи до извѣстныхъ всѣмъ и ни съ чѣмъ несообразныхъ индульгенцій, тогда возстали противъ нихъ протестанты и въ свою очередь ударились въ противоположную крайность: только вѣруй и спасешься!—провозгласили они. Такъ было и во всѣхъ другихъ отдѣлахъ ученія: гдѣ у католиковъ была крайность, тамъ протестанты ставили крестъ и въ то же время сами вдавались въ противоположную крайность. Но хотя воззрѣнія у католиковъ и протестантовъ совершенно противоположны, начало, сущность ихъ одна: въ основѣ того и другого лежитъ раціонализмъ, свобода разума, и вся разница между ними только въ томъ, что въ протестантствѣ этотъ раціонализмъ — достояніе всякаго, а въ католичествѣ онъ — достояніе одного папы. Вотъ гдѣ собственно корень тяжкой болѣзни нашего времени, вотъ гдѣ корень нашего раскола и сектъ!.. Католичество и протестантство, протестантство и сектантство съ расколомъ находятся, такимъ образомъ, между собою въ самомъ близкомъ и тѣсномъ союзѣ, какъ кольца одной цѣпи. Какъ въ цѣпи, если взять одно кольцо, необходимо поднимаешь и другія, а наконецъ и всю цѣпь, такъ и здѣсь, имѣя дѣло съ сектантствомъ, необходимо коснуться протестантства, а коснувшись протестантства, необходимо дойдешь и до корня всего сказаннаго—католичества. Кто-же послѣ всего этого скажетъ, что пастырь нашего времени можетъ и не знакомиться съ протестантствомъ и католичествомъ? Говорить такъ не значитъ-ли лишать пастыря нашего времени самага вѣрнаго

средства противъ всѣхъ недуговъ настоящаго времени: и противъ сектантства, и противъ раскола-старообрядчества?

Подводя все сказанное, находимъ: основательное знакомство съ католичествомъ и протестантствомъ на самомъ дѣлѣ является для русскаго пастыря существенно необходимымъ и важнымъ. Католичество и протестантство, конечно, важны для нашего пастыря не сами въ себѣ, а важны въ томъ отношеніи, какъ мы видѣли, что они породили собою наше русское сектантство, даютъ ему, такъ сказать, содержаніе и жизнь; знаніе ихъ даетъ нашему пастырю самое вѣрное, самое крѣпкое оружіе, которымъ онъ можетъ нанести чувствительный ударъ самой темной — въ религіозномъ отношеніи — сторонѣ нашего времени. Съ любовію къ своему званію и долгу, съ Божіею помощію и съ такимъ оружіемъ русскій пастырь смѣло и безъ боязни выступитъ на борьбу съ сектантствомъ и расколомъ, и онъ сумѣетъ защитить и доказать правоту своего дѣла, сумѣетъ возжечь неугасимый, но временами затемняемый, свѣточъ православной вѣры и побѣдоносно выйти изъ этой трудной борьбы. Съ другой стороны, чрезъ сопоставленіе католическаго и протестантскаго ученій съ ученіемъ Православной Церкви онъ самъ значительно уяснитъ православное ученіе, и это, въ свою очередь, усугубитъ его силу въ борьбѣ съ раскольниками и сектантами. Слово такого пастыря будетъ „живо и дѣйственно и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра“; облеченный въ такое всеоружіе, пастырь будетъ вѣренъ своему назначенію — онъ поистинѣ будетъ солью земли.

А. Акланскій.

Святый Косма сѣноградецъ, епископъ Маіумскій и творецъ канонѡвъ.

Въ двѣнадцатый день мѣсяца октября святая Церковь прославляетъ память такого святителя, который самъ украсилъ ее и прославилъ своими стройными богомудрыми пѣснопѣніями, за каковыя Церковь назвала его „цѣвницею духовною, наставникомъ православія, учителемъ благочестія и чистоты и свѣтильникомъ вселенныя“. Этотъ святитель былъ Косма, епископъ Маіумскій.

Святый Косма родился въ Іерусалимѣ, и въ самыхъ раннихъ лѣтахъ лишился своихъ бѣдныхъ родителей, оставшись, такимъ образомъ, круглымъ и притомъ безпріютнымъ сиротой. Но сиротамъ Богъ-отецъ: Онъ нашелъ для бѣднаго дитяти такой домъ и такихъ людей, которые впослѣдствіи оказали ему родительскія заботы и благодѣянія, какихъ не могли бы оказать родные отецъ и мать его. Благочестивые, богатые, занимавшіе высокое почетное мѣсто при дворѣ Дамасскаго калифа Абдаммелеха, родители Іоанна Дамаскина, увидѣвши малолѣтнаго Косму и узнавъ о его сиротствѣ, взяли его изъ Іерусалима въ Дамаскъ, къ себѣ въ домъ, — и онъ былъ для нихъ, послѣ св. Іоанна, какъ бы другимъ роднымъ сыномъ. Добрые родители не давали никакихъ преимуществъ своему родному сыну предъ усыновленнымъ, но тотъ и другой были для нихъ равны и пользовались одинаковою родительскою любовью и заботою; все у дѣтей было общее и нераздѣльное. Къ тому же и сами дѣти — Іоаннъ и Косма, по добротѣ сердець своихъ, такъ сроднились и привязались другъ къ другу, что навсегда, до самаго гроба, оставались самыми тѣсными и неразрывными друзьями. Воспитывались юные друзья частнымъ домашнимъ образомъ (въ домѣ родителей). Воспитателемъ и наставникомъ ихъ былъ монахъ, по имени тоже Косма, родомъ итальянецъ, плѣненный сарацынами и выкупленный родителями святого Іоанна. Этотъ мужъ

былъ весьма ученый и благочестивый, чему служить поручкою воспитанники его. Принятый родителями св. Дамаскина въ домъ, какъ рѣдкое сокровище и особенный даръ провидѣнія Божія, благочестивый инокъ съ пламеннымъ усердіемъ принялся за образованіе Космы и Іоанна въ наукахъ свѣтскихъ и духовныхъ; онъ обучалъ ихъ богословію, философіи, поэзіи, музыкѣ, геометріи, астрономіи и былъ образцомъ строгой подвижнической жизни. Дѣти, одаренныя необыкновенно быстрыми способностями, въ короткое время оказали такіе успѣхи, что наставникъ ихъ вынужденъ былъ сказать: „они знаютъ больше своего учителя“ — и удалился въ одинъ изъ монастырей Палестинскихъ, именно въ монастырь св. Саввы, куда спустя нѣсколько лѣтъ (въ 732 г.) удалились для подвиговъ и ученики его. Святый Іоаннъ Дамаскинъ, роздавъ все свое имущество бѣднымъ и отпустивъ рабовъ, удалился въ обитель св. Саввы Освященнаго и тамъ изъ богатаго вельможи, изъ правителя города Дамаска сдѣлался самымъ строгимъ и смиреннымъ послушникомъ. Въ этой же обители жилъ и подвизался и св. Косма. Во время своей подвижнической жизни въ обители Косма съ большою свободою раздѣлялъ ученые труды друга своего Дамаскина, и, какъ говоритъ Іоаннъ Іерусалимскій, ревностно подражалъ Дамаскину въ любви къ духовнымъ пѣснямъ, составилъ для Церкви сладкія стройныя пѣсни, представляя въ то же время изъ себя самага стройную псалтирь Господу. Около 743 года Косма за благочестіе, просвѣщеніе и святость, противъ воли своей, былъ избранъ соборомъ и посвященъ іерусалимскимъ патріархомъ въ епископа Сирійскому городу Маіуму или Констанціи, гдѣ предшественникомъ его на епископской кафедрѣ былъ св. Петръ, мученически скончавшійся отъ рукъ магометанъ въ 742 г. Косма и въ санѣ епископа не прерывалъ своихъ братскихъ отношеній съ Іоанномъ и велъ съ нимъ постоянную переписку. Косма достигъ глубокой старости и, будучи старше друга, живъ былъ, когда уже Дамаскинъ скончался на 104 году своей жизни около 776 года.

Время, въ которое жилъ Косма,—вторая половина восьмого вѣка,—было несчастное для Церкви. Къ ересямъ прежнихъ вѣковъ присоединилась теперь новая ересь, иконоборческая. Эта ересь, начавшаяся впервые при греческомъ императорѣ Львѣ Исаврянинѣ, распространилась съ необыкновенною быстротою и проникла всюду: ею заражены были гражданскіе и военные чиновники и много лицъ изъ знатнаго духовенства. Защитниковъ святыхъ иконъ лишали сана и подвергали ссылкѣ и всевозможнымъ истязаніямъ. Тогда-то Косма началъ убѣждать св. Іоанна Дамаскина, чтобы онъ, какъ человѣкъ, знаменитый въ своемъ отечествѣ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ и довѣренностью у Дамасскаго калифа, писалъ и дѣйствовалъ въ защиту православія, а самъ преимущественно посвятилъ себя церковному пѣснопѣнію. Священная поэзія, которой предался Косма, не была одною природною склонностью его и произвольно избраннымъ предметомъ; Косма видѣлъ въ ней превосходное и въ его смутное время необходимое средство къ распространенію, между всѣми разрядами народа, истиннаго познанія о догматахъ Православной Церкви. Отцы и учителя Церкви прежнихъ вѣковъ излагали свое ученіе о догматахъ Православной Церкви почти исключительно въ словахъ и бесѣдахъ,—предохраняли отъ ересей книгами и посланіями; но книги не всякій могъ читать, слова и бесѣды за обширностью могли забываться. Требовалась такая мѣра, которая могла бы всѣ важнѣйшіе догматы Православной Церкви обратить въ живое общенародное употребленіе. Этою мѣрою было пѣснопѣніе. Церковныя пѣсни, по древнему обычаю Церкви, воспѣвались всѣми присутствующими въ храмѣ; стало быть, всякій, посѣщая только храмъ Божій, могъ знать и содержащіяся въ нихъ догматическія истины. Эту мѣру избралъ вмѣстѣ съ Дамаскинымъ св. Косма и развилъ ее преимущественно въ своихъ канонахъ. Такъ какъ ереси, смущавшія Церковь Христову, касались догматовъ, то и каноны св. Космы, направленные противъ ересей, исключительно догматическаго

содержанія. Предметомъ своихъ пѣснопѣній св. Косма избралъ великіе праздники церковные, называющіеся Господскими, какъ, напр., Рождество Христово, Крещеніе Господне, Срѣтеніе и др. На то, чтобы предметомъ пѣснопѣній избрать именно великіе праздники, у св. Космы были свои причины. Первая причина, по всей вѣроятности, была та, что основаніемъ великихъ праздниковъ всегда бывають догматическія истины; вторая—та, что въ великіе праздники, какъ теперь, такъ и прежде, всегда собиралось больше народа въ храмѣ, слѣдовательно, и поучительныя пѣсни легче могли сдѣлаться всенародными; наконецъ, третья—та, что и сами праздники отъ священныхъ пѣснопѣній получали больше важности и торжественности.

Надъ нѣкоторыми стихирами и канонами святаго Космы надписывается просто: „монаха Космы“ (см., напр., надпись каноновъ: Григорію Богослову, Іосифу Обручнику, царю Давиду); надъ другими: „Киръ Космы“, „господина Космы“, (какъ, напр., надъ канономъ св. великомученику Георгію). Отсюда съ вѣроятностію можно заключить, что одни каноны писалъ св. Косма, когда былъ простымъ монахомъ, а другіе, когда былъ епископомъ ¹⁾. Полныхъ каноновъ св. Космы съ стихирами насчитывается до 12-ти: 1) на Рождество Хри-

¹⁾ Предположеніе же нѣкоторыхъ, будто бы каноны, извѣстные подъ именемъ каноновъ „Космы монаха“, принадлежать Космѣ старшему, наставнику Космы Маіумскаго, совершенно неосновательно. Приписывать ихъ Космѣ старшему безъ всякихъ положительно историческихъ данныхъ, на основаніи только того, что онъ былъ человѣкъ ученый и умный, никакъ нельзя. Конечно, какъ человѣкъ ученый, Косма могъ писать и гимны, и наставленія. Но писалъ ли онъ что-нибудь, неизвѣстно. Между тѣмъ по всѣмъ памятникамъ древности каноны Космы принадлежать Космѣ младшему. Іоаннъ Іерусалимскій, древнія греческія Минеи, Никифоръ Каллистъ согласно говорятъ, что Косма, совоспитанникъ Дамаскина, писалъ много каноновъ и тропарей; а историкъ Кедринъ называетъ его пѣснопѣвцемъ.

ство (этот канонъ замѣчателенъ тѣмъ, что пѣвецъ поетъ славу воплотившагося Бога-Слова отчасти словами великаго богослова-Григорія); 2) на Срѣтеніе Господне; 3) на Крещеніе Спасителя; 4) на недѣлю Ваій; 5) на Успеніе Богоматери; 6) на Воздвиженіе креста Христова; 7) на Пятьдесятницу; 8) на Преображеніе; 9) на Великій Четвертокъ; 10) Иосифу Обручнику, Давиду царю и Иакову (26 дек.); 11) великомучен. Георгію; 12) Григорію Богослову. Изъ всѣхъ перчисленныхъ двѣнадцати канонѣвъ каноны на недѣлю Ваій, Успеніе Богоматери и Воздвиженіе креста Христова—самыя лучшія между канонами св. Космы. Они отличаются особенною торжественностью и священнымъ восторгомъ. Вотъ, напр., съ какимъ священнымъ воодушевленіемъ, какъ живо и высоко-догматически св. пѣсопѣвецъ изображаетъ въ своемъ канонѣ на недѣлю Ваій радость истиннаго Израиля, удостоеннаго срѣтити Царя Господа и величіе Самаго Царя: „духи праведниковъ восклицаютъ радостно: нынѣ новый завѣтъ поставляется для міра; да обновляется народъ чрезъ окропленіе божественною кровію“ (п. 6). „Веселись, Іерусалимъ, торжествуйте, любящіе Сіонъ! Вѣчно царствующій Господь силъ предсталъ. Благоговѣй вся земля предъ лицемъ Его, восклицай: славьте Господа всѣ созданія“ (п. 8). „Возсѣвъ на осла юнаго, явился Христосъ Царь твой, Сіонъ! Онъ пришелъ истребить безмысленное заблужденіе идолослуженія и укротить необузданные порывы язычниковъ, дабы они пѣли: славьте Господа всѣ созданія“, — и далѣе: „язычники, почто вы возмутились? Книжники и священники! къ чему земное замыслили? Кто Сей, вопрошаете вы, Которому дѣти восклицаютъ? Сей есть Богъ нашъ и нѣтъ равнаго Ему“! Съ какимъ восторгомъ и какими исполненными торжественнаго величія и добродѣтели словами заканчиваетъ, напр., св. Косма свой канонъ на Успеніе Богоматери: „побѣждаются въ Тебѣ уставы естества, чистая Дѣво: дѣвствуетъ рождество и жизнь предобручается смертію, по рождествѣ Дѣва и по смерти жива, всегда спасаешь Ты, Богородице, наслѣдіе

Твое“ (п. 9). Вообще, во всякомъ мѣстѣ или пѣсни изъ этихъ трехъ каноновъ можно усмотрѣть особенное достоинство ихъ и превосходство какъ предъ прочими канонами св. Космы, такъ и предъ многими канонами другихъ св. пѣснописцевъ. Кромѣ двѣнадцати полныхъ каноновъ св. Космѣ принадлежатъ еще трипѣснцы на 4 дня (понедѣльникъ, вторникъ, среду и пятницу Страстной недѣли) и четверопѣснцы на субботу Вай и на Великую субботу. Четверопѣснцы Космы впоследствии были пополнены и изъ четверопѣснцевъ сдѣланы полными канонами. Четверопѣснецъ Великой субботы дополненъ пятью пѣснями, составленными мудрою и цѣломудренною дѣвою Кассією и передѣланными потомъ, по порученію, Маркомъ, епископомъ Отранскимъ. Въ этомъ полномъ канонѣ Великой субботы пѣсни Кассіи составляютъ первую половину его; четверопѣснецъ же св. Космы на субботу Вай, въ Лазареву субботу, въ полномъ канонѣ составляетъ вторую половину, а первая половина, четыре пѣсни, добавлены послѣ святымъ Теофаномъ.

Съ появленіемъ и введеніемъ въ церковное богослуженіе пѣснопѣній св. Космы и друга его Іоанна Дамаскина, въ кругѣ церковнаго богослуженія или въ уставѣ церковномъ неизбежно должна произойти и, дѣйствительно, произошла значительная перемѣна. Это измѣненіе, при содѣйствіи св. Космы, сдѣлано Дамаскинымъ. Они уставъ св. Саввы, пересмотрѣнный прежде нихъ св. Софроніемъ, снова пересмотрѣли и дополнили, и дали всенощному и утреннему богослуженію почти тотъ самый порядокъ и устройство, какіе видимъ доселѣ; послѣ нихъ очень не многое прибавлено. Симеонъ Солунскій пишетъ, что послѣ св. Софронія уставъ св. Саввы вновь пересмотрѣнъ и написанъ Дамаскинымъ. Конечно, св. Дамаскинъ включилъ въ кругъ богослуженія и свои пѣснопѣнія, и пѣснопѣнія Космы, и весь порядокъ церковной службы изложилъ сообразно обстоятельствамъ того времени съ большею подробностью и опредѣленностью. Патриархъ Іерусалимскій Нектарій пишетъ, что св. Дамаскинъ,

пересматривая уставъ св. Саввы, внесъ въ сей уставъ правила о чтеніи канонѣвъ и самогласныхъ пѣсней, составленныхъ имъ и св. Космою.

Сверхъ выше перечисленныхъ полныхъ и неполныхъ канонѣвъ св. Космѣ принадлежитъ пѣснь Богоматери „Честнѣйшую херувимъ“. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эта пѣснь дѣйствительно есть твореніе св. Космы, потому что въ четверопѣснцѣ Великой субботы, безъ всякаго сомнѣнія составленномъ св. Космою, пѣснь „Честнѣйшую херувимъ“ составляетъ ирмосъ 9-й пѣсни. Къ тому же Каллисть сообщаетъ намъ о пѣсни „Честнѣйшую херувимъ“ слѣдующія, дошедшія до него отъ другихъ, извѣстія: а) что пѣснь эта сочинена была въ Великій пятокъ, въ день особенно скорбный для Матери Господа Иисуса Христа и б) что Пречистой весьма благоугодна была эта пѣснь; Она, явившись преподобному Космѣ, съ веселымъ лицомъ сказала: „пріятны Мнѣ пѣсни твои, но сія пріятнѣе всѣхъ другихъ; пріятны Мнѣ тѣ, которые поютъ духовныя пѣсни, но никогда Я столько близко не бываю къ нимъ, какъ когда поютъ новую пѣснь твою“.

Наконецъ, о св. Космѣ извѣстно намъ еще то, что онъ принималъ участіе въ весьма важномъ трудѣ друга своего св. Іоанна Дамаскина — въ изобрѣтеніи гласѣвъ октоиха, — и первый, послѣ Дамаскина, составлялъ ирмосы по гласамъ. Дѣйствительное участіе св. Космы въ образованіи октоиха видно изъ того, что въ рукописи Оксфордской бібліотеки хранится еще до сихъ поръ „Октоихъ Космы и Дамаскина“. Въ этой же бібліотекѣ хранятся, тоже въ рукописи, и „гимны Космы“ съ толкованіемъ Θεодора Продрома.

Всякому, кто только со вниманіемъ читалъ или слушалъ пѣснопѣнія св. Космы, епископа Маіумскаго, должны быть болѣе или менѣе извѣстны общія свойства и духъ этихъ пѣснопѣній. Они исполнены необыкновенной пріятности и сладости духовной. Простота, живописность и очертательность, обиліе и помазаніе суть отличительное ихъ свойство.

Поэтому они имѣютъ особенную способность возбуждать и развивать чувство благочестія, услаждая его вещами божественными. Святой Косма и его чудесныя, исполненныя жизни и красоты, пѣсни были въ необыкновенно большомъ уваженіи у Церкви и въ ученomъ свѣтѣ. Свидѣ такъ отзывался о преподобномъ Космѣ и пѣснопѣніяхъ его: „въ одно время съ Іоанномъ Дамаскинымъ процвѣталъ Косма Іерусалимскій, мужъ высокій, онъ дышетъ мусикійскою гармоніей. Пѣсенные каноны Іоанна и Космы не имѣли себѣ равныхъ между гимнами другихъ пѣснописцевъ да и никогда не будутъ имѣть“. Въ службѣ греческой (на память св. Космы) священный и славный пѣснописецъ, святитель Маіумскій, и неподражаемая его пѣснопѣнія украшаются всевозможными похвальными уподобленіями и названіями; такъ, самъ онъ уподобляется: „духовной цитрѣ, лирѣ священной и трубѣ доброгласной“, именуется: „священнымъ и славнымъ, начальникомъ пѣснопѣвцевъ, правымъ образомъ духовныхъ пѣсней гармоническихъ, прекраснымъ истокомъ пѣсней мелодическихъ и ревнителемъ пѣснопѣнія ангельскаго“,—пѣснопѣнія же его „методичными, сладкими, стройными, гармоническими, священно-звучащими, мелодичными и наконецъ даже ангельскими“. Пѣсни св. Космы, по своимъ высокимъ достоинствамъ, были, можно сказать, образцомъ для пѣсотворцевъ послѣдующаго времени. Къ ихъ духу и формѣ принаравливались св. Теофанъ, два блаженные брата Студиты—Іосифъ и Теодоръ, Іосифъ пѣснописецъ и многіе другіе. Самъ Іоаннъ Дамаскинъ, видимо, подражалъ канонамъ св. Космы, потому что во всѣхъ тѣхъ богослуженіяхъ на великіе праздники господскіе, которые имѣютъ по два канона,—одинъ св. Космы, а другой св. Дамаскина,—каноны перваго положены прежде каноновъ Дамаскина. Достоинство пѣснопѣній св. Космы и живая потребность въ такихъ пѣснопѣніяхъ тоже были причиною того, что эти пѣснопѣнія, тотчасъ по появленіи въ свѣтъ, были приняты Церковію и введены во всеобщее употребленіе. Подражатели Космы, Теофанъ и Студиты, были

почти современниками его, а они уже пѣли каноны его.

Теперь обратимся къ славянской службѣ, именно, къ службѣ, посвященной въ честь самого св. Космы, и посмотримъ, какъ восхваляется и воспѣвается св. Косма, славный епископъ Маіумскій, и его пѣснопѣнія и въ нашей отечественной Церкви. Въ службѣ на память св. Космы (12 окт.), вѣроятно, составленной св. Іосифомъ пѣсотворцемъ, изображенъ характеръ и подвиги Маіумскаго іерарха, указаны времена и предметы, на которые писалъ каноны св. Косма, обозначено свойство и духъ его пѣснопѣній. Онъ былъ, говорить церковная пѣснь, „смиреномудръ и кротокъ, тихъ же и доброглаголивъ, увѣтливъ и незлобивъ, цѣломудренъ и праведенъ, препрость и цѣль. Воздержаніемъ пожилъ, бдѣніемъ и постомъ, разумомъ всячески обогатился нижнихъ и привременныхъ (знаніемъ наукъ свѣтскихъ), и вышними свѣтлыми науками богословскими“ (стих. на „Господи, воззвахъ“). „Пѣсни дивныя поя воспѣлъ еси неизреченное владычество изъ Дѣвы Пречистыя рождество“ (Кан. пѣс. 5). Такъ охарактеризованы въ канонѣ въ честь самого св. Космы его превосходныя стихиры и канонъ на праздникъ Рождества Христова. Каноны его на Богоявленіе и Срѣтеніе характеризуются слѣдующимъ образомъ: „слова твои (Космы), яко сотъ сладкій, явишася, веселяще сердца благочестивыхъ, поющихъ „крещеніе Спасово, срѣтеніе же Симеоново“. О канонахъ св. Космы на воскресеніе Лазарево и въ недѣлю Вай сказано „не словесы, но вещми ты представилъ еси воскресеніе Лазарево изъ мертвыхъ, и дѣтей хваленіе, и зависть іудейскую *въ пѣсняхъ*“. Этимъ обозначается изобразительность и живость пѣснопѣній св. Космы, такъ наглядно представляющихъ предметы, что ихъ какъ бы видишь. „Пѣснь веселія и сущей радости“, т. е., умилительный канонъ воспѣлъ св. Косма и на праздникъ Воздвиженія креста Господня. О всѣхъ утреннихъ канонахъ Страстной седмицы, о канонѣ на праздникъ Пятидесятницы и на Преображеніе

Господне, написанныхъ и преданныхъ Церкви св. Космоу, священный пѣвецъ епископа Маіумскаго говоритъ: „свѣта невещественнаго зарями осіємъ, Космо преподобне, страсти пречистыя написалъ еси, и погребеніе, и возстаніе и преображеніе Христова“ (пѣсн. 8, 3). Замѣчательнѣе еще одинъ стихъ изъ восьмой пѣсни канона св. Космѣ слѣдующій: „всѣхъ яко выше умомъ, Космо, бывъ, вечерю написалъ еси, въ нейже предаль есть Господь живоносныя тайны, и преданіе страшное, безчеловѣчіе же Іудино, егоже и бѣжати насъ научилъ еси“. Въ Постной Трїоди не обозначено, кѣмъ составлено, единственное въ своемъ родѣ, „Послѣдованіе святыхъ и спасительныхъ страстей Господа нашего Іисуса Христа“, совершаемое Церковію на утрени Великаго пятка. Но изъ вышеприведенныхъ словъ можно съ вѣроятностью заключить, что это „Послѣдованіе“ принадлежитъ св. Космѣ; такъ какъ *преданіе страшное и безчеловѣчіе Іудино* нигдѣ такъ живо не изображены, какъ въ антифонахъ „Послѣдованія“. Выраженіе: *егоже и бѣжати насъ научилъ еси* ясно указываетъ на извѣстный тропарь Великаго четвертка („Егда славнии ученицы на умовеніи вечера просвѣщахуся“): въ этомъ тропарѣ есть подобное же выраженіе: „бѣжи насытыи души, Учителю таковая дерзнувшія“.

Вообще, кто хорошо знакомъ съ пѣснопѣніями св. Космы, тотъ согласится, что они справедливо названы *украшеніемъ* Церкви Христовой, пѣснями *сладостными и медоточными*, исцѣляющими *всякое уныніе и съ прїятностью обучающими догматамъ вѣры*. У многихъ, при внимательномъ чтеніи или слушаніи пѣснопѣній Маіумскаго іерарха, по всей вѣроятности, отъ полноты возбуждаемыхъ ими благочестивыхъ чувствъ, невольно вылетали изъ устъ слова, подобныя слѣдующимъ: „о, какъ чудны твоя пѣсни, и всякаго, отче, исполнены разума, ими-же явственнно открылъ еси всѣмъ Христовы тайны“ (пѣсн. 4, 4)!

Краткій очеркъ исторіи благотворительности и благотворительныхъ учреждений въ Россіи ¹⁾).

Учрежденные императрицей Екатериной II-й Приказы общественнаго призрѣнія явились въ извѣстномъ смыслѣ представителями благотворительной дѣятельности правительства, которое давно уже сознавало потребность сообщить дѣлу призрѣнія нуждающихся постоянную и правильную организацію. И прежде государство тратило большія деньги на дѣло благотворительности, но возникновеніе и устройство благотворительныхъ заведеній не было подчинено вѣдомству опредѣленнаго учрежденія, а зависѣло большею частью отъ обстоятельствъ случайныхъ, вслѣдствіе чего и дѣятельность ихъ приносила меньше пользы, чѣмъ можно было ожидать; теперь же это челоуѣколюбивое дѣло правительства сосредоточено въ рукахъ одного постояннаго учрежденія и обставлено опредѣленными узаконеніями. До введенія общаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ въ 1864 году (1 янв.) дѣятельность Приказовъ общественнаго призрѣнія простиралась на всѣ губерніи и состояла въ завѣдываніи общественными благотворительными учрежденіями губерніи и въ распредѣленіи между ними благотворительныхъ капиталовъ соотвѣтственно нуждамъ каждаго изъ нихъ. Изъ благотворительныхъ заведеній, отнесенныхъ къ вѣдомству Приказовъ (дома сиротскіе и воспитательные, больницы и дома для умалишенныхъ, богадѣлни и дома работные), новыми сравнительно съ извѣстными уже намъ являются: сиротскіе дома для призрѣнія безпріютныхъ сиротъ въ томъ возрастѣ, когда они собственной работой прокормиться не могутъ (положеніе о нихъ издано въ 1836 году); воспитательные дома для призрѣнія незаконно-рожденныхъ младенцевъ, признанные неудобными для дальнѣйшаго существованія въ 1828 году; наконецъ, работные

¹⁾ См. № 39-й за 1898 годъ.

домы. Работные дома, признаваемые въ настоящее время наиболѣе пригодными для борьбы съ притворнымъ нищенствомъ, при Екатеринѣ II „учреждены на тотъ конецъ, чтобы неимущимъ доставить прокормленіе собственной работою. Работа избирается по мѣстнымъ удобствамъ. Въ работные дома принимаются: 1) люди обоого пола, совершенно убогіе, кои работать могутъ и добровольно туда приходятъ; 2) неимѣющіе пристанища, кои присылаются на время или навсегда по распоряженію мѣстныхъ начальствъ; 3) присылаемые по распоряженію мѣстной полиціи праздношатающіеся и пойманные въ прошеніи милостыни люди, могущіе прокормиться работою. Въ работныхъ домахъ доставляется находящимся въ оныхъ работа, а по мѣрѣ оной пища, покровъ, одежда или деньги“.—Капиталы Приказовъ состояются изъ подаяній, пожертвованій и завѣщаній въ пользу заведеній общественнаго призрѣнія, пенныхъ и штрафныхъ денегъ, а также изъ разныхъ хозяйственныхъ и случайныхъ доходовъ.

Само собою понятно, что матеріальныхъ средствъ Приказовъ было весьма недостаточно для борьбы съ нуждой и нищетою. Поэтому законодательство разъясняетъ, что частнымъ людямъ, обществамъ, городамъ и селеніямъ не возбраняется учреждать отъ себя благотворительныя заведенія, или къ учрежденіямъ уже существующимъ что-либо прибавлять, съ тѣмъ однако, чтобы то и другое сходствовало съ общими, на сей предметъ установленными, правилами (Полн. Св. Зак. № 14392). И хотя мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ для сужденія о размѣрахъ частной благотворительности за время существованія Приказовъ, однако думаемъ, что она была такъ же обширна и плодотворна, какъ и въ прежнія времена. Церковь, частныя лица и общества щедро поддерживали правительство въ его заботахъ о призрѣніи нуждающихся. Такъ, въ это время (въ 1802 г.) учреждено Императорское человеколюбивое общество, поставившее своею задачею доставлять бѣднымъ людямъ вспоможенія всякаго рода не только въ столицѣ, но по возможности и въ другихъ го-

родахъ Имперіи (№ 20266). Для достиженія сей цѣли общество прилагаетъ старанія объ учрежденіи заведеній: 1) для призрѣнія дряхлыхъ, увѣчныхъ, неизлѣчимыхъ и вообще къ работѣ неспособныхъ; 2) для воспитанія сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей; 3) для доставленія неимущимъ, кои въ состояніи работать, приличныхъ упражненій, снабжая ихъ матеріалами, собирая обработанныя ими издѣлія и сбывая оныя въ ихъ пользу. Слѣдуетъ еще упомянуть объ учрежденіи попечительствъ о бѣдныхъ духовнаго званія при всѣхъ епархіальныхъ каѳедрахъ (въ 1823 г.).

Но какъ ни прочно было поставлено теперь дѣло общественной благотворительности, ово не могло уничтожить нищенства. Число побирающихся именемъ Христовымъ нисколько не уменьшалось, а послѣ отечественной войны еще болѣе стало возрастать. Конечно, главной причиной этого печальнаго явленія слѣдуетъ признать опустошеніе французами громадной площади нашего отечества и полное разореніе крестьянъ во многихъ губерніяхъ; но для полноты объясненія нужно и то имѣть въ виду, что привычка злоупотреблять милосердіемъ христіанцевъ, унаслѣдованная нищими еще отъ 17 вѣка, не была и не могла быть искоренена дѣятельностью благотворительныхъ учрежденій Приказовъ. Необходимо было для пресѣченія этого вѣкового зла и для борьбы съ неизбѣжной нуждой выступить общественнымъ силамъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Благопріятное время для этого наступило съ введеніемъ преобразованій Александра II, сообщившихъ могучій толчекъ самодѣятельности русскаго общества. Даже крестьянскія общества, среди которыхъ дѣло призрѣнія нуждающихся было до сихъ поръ въ жалкомъ состояніи, признаны теперь правительствомъ вполне правоспособными для самостоятельнаго устроенія у себя этого дѣла.

Освобождая крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, правительство издало для нихъ слѣдующія узаконенія касательно общественнаго призрѣнія. Престарѣлые, дряхлые и увѣчные члены сельскихъ обществъ, не могущіе трудомъ пріобрѣтать пропитанія, содержатся родственниками. Тѣ изъ нихъ, у которыхъ нѣтъ родственниковъ, или же у которыхъ и сами родственники бѣдны, призрѣваются на счетъ крестьянскихъ обществъ; призрѣніе ихъ составляетъ обязательную мірскую повинность крестьянскихъ обществъ. Надзоръ за порядкомъ въ больницахъ, богадѣльняхъ и другихъ заведеніяхъ общественнаго призрѣнія, если они учреждены сельскимъ или волостнымъ обществомъ на свой счетъ, возлагается на сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ, по принадлежности. Какъ бы въ дополненіе къ этимъ постановленіямъ, въ 1864 году Высочайше утверждены положенія о церковныхъ братствахъ и о приходскихъ попечительствахъ при православныхъ церквяхъ. Церковныя братства должны быть учреждаемы для служенія нуждамъ и пользамъ Православной Церкви, для противодѣйствія посягательствамъ на ея право со стороны иновѣрцевъ и раскольниковъ, для созиданія и украшенія православныхъ храмовъ, для дѣлъ благотворительности, для распространенія и утвержденія духовнаго просвѣщенія. Приходскія попечительства при храмахъ имѣютъ еще болѣе обширную задачу для своей дѣятельности и между прочимъ обязаны заботиться объ изысканіи средствъ для учрежденія въ приходахъ школы, больницы, богадѣльни, пріюта и другихъ благотворительныхъ заведеній, устройство и завѣдываніе когорыми лежитъ также на обязанности попечительствъ; вообще объ оказаніи бѣднымъ людямъ прихода, въ необходимыхъ случаяхъ, возможныхъ пособій; также о погребеніи

неимущихъ умершихъ и о содержаніи въ порядкѣ кладбищъ. Въ городахъ оставлены тѣ же благотворительныя заведенія, которыя и прежде существовали, но завѣдываніе ими въ 1864 г., съ введеніемъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ, отнесено къ вѣдѣнію послѣднихъ; въ тѣхъ губерніяхъ, на которыя распространены были земскія учрежденія, Приказы общественнаго призрѣнія были закрыты, сохранились они только въ губерніяхъ неземскихъ.

Предоставивши городскимъ и сельскимъ обществамъ заботу о призрѣніи нуждающихся, съ подчиненіемъ ихъ дѣятельности вѣдомству Министерства Внутреннихъ дѣлъ, правительство тѣмъ самымъ вызвало общество на совмѣстную борьбу съ развивающимся нищенствомъ и безысходной нуждой бѣдныхъ разрядовъ народа. Призывъ этотъ нашель откликъ въ сердцѣ русскихъ людей и вызвалъ къ существованію большое количество разныхъ благотворительныхъ обществъ съ самыми разнообразными задачами дѣятельности. Число этихъ обществъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе возрастаетъ. Наиболѣе обширенъ кругъ дѣятельности благотворительныхъ обществъ, состоящихъ подъ непосредственнымъ покровительствомъ Ихъ Императорскихъ Величествъ и Членовъ Императорскаго Дома. Укажемъ, для примѣра, на Общество Краснаго Креста. Идея этого Общества зародилась у насъ, какъ и въ другихъ государствахъ, подписавшихъ международную Женевскую конвенцію, въ 1854 году; самое же открытіе Общества послѣдовало въ 1863 году. Съ тѣхъ поръ Общество успѣло распространить свою дѣятельность на все пространство нашего обширнаго государства. Оно имѣетъ множество подвѣдомственныхъ учреждений и владѣетъ громадными капиталами для цѣлей благотворительности.

недовѣріе, зависть и злобу. Этотъ призывъ тѣмъ знаменательнѣе, что совпалъ со многими другими замѣчательными событіями современности.

„Охраненіе всеобщаго мира, говорится по повелѣнію Русскаго Самодержца въ сообщеніи русскаго министра иностранныхъ дѣлъ иностраннымъ правительствамъ, и возможное сокращеніе тяготѣющихъ надъ всѣми народами чрезмѣрныхъ вооруженій являются при настоящемъ положеніи вещей цѣлью, къ которой должны бы стремиться усилія всѣхъ правительствъ. Взглядъ этотъ вполне отвѣчаетъ челоуѣколюбивымъ и великодушнымъ намѣреніямъ Его Императорскаго Величества, Августѣйшаго моего Государя. Въ убѣжденіи, что столь возвышенная цѣль соотвѣтствуетъ существеннѣйшимъ потребностямъ и законнымъ вожелѣніямъ всѣхъ державъ, Императорское Правительство полагаетъ, что настоящее время весьма благоприятно для изысканія, путемъ международнаго обсуждения, наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ обезпечить всѣмъ народамъ истинный прочный миръ и прежде всего положить предѣлъ все увеличивающемуся развитію современныхъ вооруженій. Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ миролюбивыя стремленія особенно твердо укрѣпились въ сознаніи просвѣщенныхъ народовъ. Сохраненіе мира было поставлено цѣлію международной политики. Во имя мира великія державы сплотились въ могучіе союзы, для лучшаго огражденія мира увеличили они въ небывалыхъ доселѣ размѣрахъ свои военныя силы и продолжаютъ ихъ развивать, не останавливаясь ни предъ какими жертвами. Однако усилія эти не могли пока привести къ благодѣтельнымъ послѣдствіямъ желаемаго умиротворенія. Все возрастающее бремя финансовыхъ тягостей въ корнѣ распатываетъ общественное благосостояніе; духовныя и физическія силы народовъ, трудъ и капиталъ отвлечены въ большей своей части отъ естественнаго назначенія; сотни милліоновъ расходуются на пріобрѣтеніе страшныхъ средствъ истребленія, которыя, сегодня представляясь послѣднимъ словомъ науки, завтра должны по-

терять всякую цѣну въ виду новыхъ изобрѣтеній; просвѣщеніе народа и развитіе его благосостоянія и богатства пресѣкаются или направляются на ложные пути. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ растутъ вооруженія каждаго государства, они менѣе и менѣе отвѣчаютъ предпоставленной правительствами цѣли. Нарушенія экономическаго строя, вызываемыя въ значительной степени чрезмѣрностію вооруженій, и постоянная опасность, которая заключается въ огромномъ накопленіи боевыхъ средствъ, обращаютъ вооруженный миръ нашихъ дней въ подавляющее бремя, которое народы выносятъ все съ большимъ трудомъ. Очевиднымъ, поэтому, представляется, что, еслибы такое положеніе продолжалось, оно роковымъ образомъ привело бы къ тому именно бѣдствію, котораго стремятся избѣгнуть и предъ ужасами котораго заранѣе содрогается мысль человѣка. Положить предѣлъ непрерывнымъ вооруженіямъ и изыскать средства предупредить угрожающія всему міру несчастія,—таковъ нынѣ высшій долгъ всѣхъ государствъ. Преисполненный этимъ чувствомъ, Государь Императоръ повелѣтъ мнѣ соизволилъ обратиться къ правительствамъ государствъ, представители коихъ аккредитованы при Высочайшемъ дворѣ, съ предложеніемъ о созваніи конференціи въ видахъ обсужденія этой важной задачи. Съ Божіей помощью эта конференція могла бы стать добрымъ предзнаменованіемъ для грядущаго вѣка. Она сплотила бы въ одно могучее цѣлое усилія всѣхъ государствъ, искренно стремящихся къ тому, чтобы великая идея всеобщаго мира восторжествовала надъ областію смуты и раздора. Въ то же время она скрѣпила бы ихъ согласіе совмѣстнымъ признаніемъ началъ права и справедливости, на которыхъ зиждется безопасность государствъ и преуспѣваніе народовъ“.

Великій этотъ актъ мудрости и истинно христіанской настроенности Великаго и Могущественнѣйшаго изъ монарховъ не нуждается ни въ какихъ объясненіяхъ. Прошло четыре года, какъ Россія, а съ нею и вся Европа дѣйствительно чистосердечно оплакивали кончину Царя-Миротворца.

Съ какимъ великимъ, никогда прежде не виданнымъ трепетомъ прислушивалась Европа и русскій народъ къ первымъ царственнымъ словамъ Сына Царя-Миротворца. Изстрадавшаяся въ постоянныхъ опасеніяхъ за свою жизнь, Европа стала ожидать всякаго рода осложненій, а за ними и всеобщей войны. Одинъ только русскій народъ, беззавѣтно предавший своимъ монархамъ, обильно проливая горькія слезы о почившемъ Царѣ-Миротворцѣ, вѣрилъ, что и Его Сынъ такъ же любитъ свой народъ, также цѣнитъ миръ и всѣ проистекающія отъ него блага. И мы теперь созерцаемъ такой актъ Государевой воли, который исторія, несомнѣнно, занесетъ на свои страницы золотыми буквами, который навсегда останется неизгладимымъ въ сердцахъ всѣхъ народовъ. Для православнаго русскаго народа этотъ актъ тѣмъ замѣчательнѣе, что онъ служитъ для народа, вѣрующаго, что сердце Царево въ рукахъ Божіихъ, самымъ разительнымъ доказательствомъ суетности всѣхъ государственныхъ преобразованій на западѣ, постоянно ищущемъ лучшихъ для блага народнаго формъ правленія и до сего времени еще не нашедшемъ, — доказательствомъ вмѣстѣ съ тѣмъ и того, что нѣтъ лучшаго охранителя истинныхъ благъ народа и любвеобильнаго правителя къ нимъ силъ народныхъ, какъ Русскій православный Монархъ.

Не можетъ пройти незамѣченнымъ со стороны русскаго народа, да и всѣхъ другихъ, и то въ высшей степени поучительное обстоятельство, что вышеприведенное сообщеніе иностраннымъ посламъ воли Государя совпало съ замѣчательнѣйшимъ событіемъ открытія въ Москвѣ памятника Царю-Освободителю, императору Александру II-му. Предъ величественнымъ памятникомъ Царю, жизнь котораго преисполнена многими разочарованіями въ отношеніи къ западнымъ сосѣдямъ, не слышится ни кликовъ побѣдныхъ, ни угрозъ, ни гордаго самовозвеличиванья: предъ памятникомъ Государя, давшаго свободу своему и единоплеменнымъ народамъ, во всеуслышаніе всей Европы говорится о мѣрѣ, о

любви, о дѣйствительныхъ заботахъ о мирѣ и благѣ народномъ. Счастливъ русскій народъ, имѣющій во главѣ себя Помазанниковъ Божіихъ, непрестанно и мудро пекущихся о его благоденствіи!

Православные пастыри Церкви Христовой не могутъ быть только молчаливыми свидѣтелями совершившагося, не могутъ безмолвно переживать тѣ душевныя радостныя чувства, которыми преисполненъ въ настоящее время, несомнѣнно, весь христіански просвѣщенный міръ. Православная Церковь ежедневно приглашаетъ всѣхъ молиться о мирѣ всего міра, объ избавленіи всѣхъ людей отъ окружающихъ ихъ бурь и напастей. Въ призывѣ Государя Императора къ миру, къ тому, чтобы мечи перековать на рала, не слышится ли истиннымъ служителямъ Церкви призывъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ болѣе усиленному насажденію въ душахъ пасомыхъ истинъ правой вѣры, сѣмянъ истиннаго просвѣщенія народа на началахъ преданности и покорности волѣ Православной Церкви и ея Первенствующаго Сына? Выражая въ своемъ обращеніи къ западно-европейскимъ правительствамъ волю Божественную, заповѣдь Христову о любви, правдѣ и мирѣ, Государь тѣмъ самымъ указываетъ и всѣмъ своимъ подданнымъ и въ особенности тѣмъ изъ нихъ, на которыхъ лежитъ святая обязанность просвѣщать, учить другихъ,—учить словомъ и дѣломъ,—какія наиболѣе всего желательны и необходимы начала этого просвѣщенія и ученія. Видя въ призывѣ съ трона къ миру и любви голосъ самой Христовой Истины, чувствуя въ этомъ осуществленіе царствія Божія на землѣ, успѣхи его въ сердцахъ людей, православные пастыри Церкви, несомнѣнно, воспользуются совершившимся событіемъ для наивысшаго наученія своихъ пасомыхъ вѣрѣ и любви къ Церкви и Престолу. Въ ихъ рукахъ находятся, по волѣ Божіей и Государевой, такія могучія средства для этого, какъ храмъ Божій и школа подъ крыломъ его.

М. Гиньвушевъ.